

О НЕФОРМАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КЛУБАХ МОСКВЫ

Современное общественное движение в СССР берет свое начало в переменах, начатых Горбачевым, хотя многие идейные и духовные корни этого движения уходят в деятельность диссидентов 1965—1982 гг. Однако с самого начала надо подчеркнуть, что нынешние „неформалы”, т. е. те группы, которые определяют ценностные ориентации и организационные структуры современного движения, не являются прямыми продолжателями диссидентов и почти не имеют их в составе своих групп и клубов. Это обстоятельство часто вызывает удивление не только самих „неформалов”, но и исследователей, как отечественных, так и зарубежных. Представляется, что изучение этого явления даст наиболее серьезный материал для выявления систем ценностей участников того и другого движений и понимания тонких механизмов политической ориентации.

В настоящее время в СССР нет сколько-нибудь серьезных исследований, на основании которых можно было бы сделать краткий очерк современного общественного движения. Поэтому в своей работе я ограничусь изложением нескольких гипотез и опишу лишь некоторые явления, которые бросаются в глаза при первом столкновении с материалом.

Прежде всего, здесь не будут затронуты как национальные движения в отдельных республиках, так и русское национальное движение, наиболее характерным и известным выразителем которого является „Память”. Для всех этих движений в большей или меньшей степени характерно подчинение либеральных идей идее национального возрождения (или даже антилибераль-

ная направленность), и в этом смысле они так же, как „неформалы”, не являются продолжателями правозащитного движения 60-х—70-х годов. Правда, различные национальные движения претерпели разную эволюцию.

Национально-демократические движения Грузии, Армении, Прибалтики, Украины испытали довольно сильное влияние правозащитного движения, и ветераны 60-х—70-х годов сегодня иногда возглавляют не очень многочисленные, но наиболее радикальные крылья национально-освободительных движений, которые, наряду с требованиями независимости своих республик, в какой-то мере ориентируются на идеи либерализма.

Русский же национализм еще в конце 60-х—70-х годов противопоставил себя либерально-демократическому движению и различные его крылья уже тогда ориентировались на авторитарные или тоталитарные образцы. В нынешнем русском патриотическом движении эта ориентация проявилась откровенней, хотя появились и группы, провозглашающие либерально-демократические ценности („Россы” в Ленинграде). Однако реальное политическое сознание этого крыла требует серьезного изучения. Во всяком случае, в его программных документах содержатся ориентации на авторитарные методы управления, а практика не лишена антисемитизма.

Отказываясь обрисовать национально-демократические движения, я также вынужден отказаться и от описания движения „неформалов” в его региональном многообразии. Однако представляется, что сосредоточившись на некоторых чертах развития движения только в одной точке — Москве, мы можем уловить некоторые особенности и характеристики движения в целом.

* *
*

Первые группы „неформалов” стали заметны летом 1986 г. после появления нового „Положения о любительских объединениях”, облегчившего деятельность и регистрацию самостоятельных объединений. Несмотря на то, что это явление почти сразу было отмечено журналистами, само слово „неформал” получило хождение именно в это время с легкой руки журналиста. Иссле-

дователи еще долго оставались равнодушными к нему, и в итоге реконструкция начального этапа движения требует значительных усилий.

Как можно предполагать, раньше других активизировались группы андерграунда (авангардного искусства) и любительские клубы Москвы и Эстонии, а также Новосибирска и Ленинграда. Но только в Москве развитие движения приняло взрывоопасный характер уже в 1986 г. Специфическая административно-политическая система СССР предопределила и опосредованность влияния провинциальных центров движения на развитие ситуации. Так, опыт новосибирского Фонда социальных инициатив оказал влияние не столько через рекламу, созданную центральной газетой „Комсомольская правда“, сколько через деятельность московского Клуба социальных инициатив (КСИ), на формирование идей которого оказал влияние лидер из Новосибирска Г. Алференко. Огромную роль в развитии движения сыграл московский клуб „Перестройка“ и его преемники. Однако он сам был инициирован активистами-ленинградцами, которые не могли создать адекватные формы в условиях второй столицы.

На первом этапе (весна 1986 – лето 1987 г.) среди активизировавшихся групп наиболее заметными оказались клубы, существовавшие до 1986 г. и занимавшиеся семейными, спортивно-медицинскими, педагогическими проблемами, вопросами организации быта и досуга в микрорайонах, а также театральные и рок-группы, хиппи, кружки технического творчества. Общим для них было ожидание быстрого развития социальной инфраструктуры и появления условий для финансовой и хозяйственной деятельности.*

Поскольку этим ожиданиям суждено было встретиться с очень ограниченными возможностями реальности, ранние „неформалы“ начали активный поиск сотрудничества с целью совместного влияния на ситуацию и на принятие решений на

* В Эстонии эти ожидания в значительной мере оправдались, — и там возник таллиннский Центр молодежных инициатив, в значительной мере удовлетворивший запросы русскоязычной молодежи.

уровне местной власти. Подобного рода активность стала притягательной силой для политически ориентированной молодежи, не нашедшей приемлемой роли в официальных структурах.

* *
*

Характерно для этого времени появление и развитие КСИ. В архиве информационно-исследовательского центра кооператива „Перспектива“ содержится несколько десятков документов из ранней истории клуба, которые могли бы стать основой для монографий. Однако до сих пор ни один исследователь не проявил интереса к этому клубу, возникшему в начале 1986 г. и сыгравшему одну из ключевых ролей в движении неформалов.

Первоначальный состав клуба, как об этом можно судить по спискам его членов, был достаточно аморфен и нестабилен. В него входили люди самого разного социального положения и находившиеся в сфере притяжения двух других клубов — „Компьютер“ и „Наш Арбат“. Из документов невозможно установить никакой ясно осознаваемой социальной цели, что отражено и в первоначальных вариантах названия.

Однако с появлением новых людей — членов социалистической подпольной группы, арестованных в 1982. и освобожденных в 1983 г., — Б. Кагарлицкого, П. Кодюкина, А. Фаина, а также вернувшегося из ссылки в декабре 1985 г. Г. Павловского, бывшего соредатора независимого журнала „Поиски“, ситуация резко меняется. Неясные искания оформляются в стремление изменить социальную и политическую реальность. Такая переориентация вызывает настоящую экспансию. Число членов клуба стремительно растет, появляются коллективные члены, в частности, сыгравший впоследствии выдающуюся роль молодежный историко-просветительский клуб „Община“. Весной 1987 г. члены КСИ становятся активными участниками новообразовавшегося клуба „Перестройка“, значительно усилив его политическую компоненту.

В августе 1987 г. КСИ проводит в Москве с помощью МКК КПСС встречу-диалог „неформальных“ объединений, в которой принимает участие свыше трехсот человек из 12 городов. Эта конференция положила начало движению „Мемо-

риал" — в настоящее время самому крупному из структурно оформленных движений в СССР, и Федерации социалистических общественных клубов — полузфемерному, но имевшему широкое идейное влияние образованию, просуществовавшему до лета 1988 г. Но главное значение конференции сводилось к возникновению широкой сети информационных каналов и стремительной политизации общественного движения. По сути дела, август 1987 г. стал началом движения, осознающего свое единство, имеющего смутные эволюционирующие социалистические идеалы и, в сущности, отодвинувшего на периферию общественного внимания неполитизированные объединения.

Сам КСИ в конце 1987 г. формально включал в себя разные группы от литературного клуба „Прямая речь” и рок-фолк ассоциации до нескольких политических клубов социалистической окраски. Однако это было движением по инерции. Время неспециализированных объединений прошло. Начинается фактический распад КСИ, и к началу 1988 г. он становится одним из самых маленьких клубов. Но теперь у него, с исчезновением всякой структуры, становятся определенными и метод работы, и характер решаемых задач. Как правило, это задачи, разрешение которых имеет фундаментальное значение. Здесь можно упомянуть поддержку журналу „Век XX и мир” — одному из лидеров перестройки, инициативу в создании новой формы социологического образования в СССР, создание информцентра „неформалов” М-БИО. КСИ провел несколько крупных конференций, в частности совместно с Советской социологической ассоциацией (ССА) — Всесоюзную научно-практическую конференцию по вопросам производственного самоуправления, конференцию московских клубов 5—12 июня 1988 г., закончившуюся созданием Московского народного фронта (МНФ), в свою очередь давшему толчок возникновению народных фронтов во многих городах РСФСР. Но сам КСИ, протестуя против популистско-официозной ориентации МНФ, вышел из его состава (вслед за ним вышли все крупные объединения — „Мемориал”, „Община”, „Гражданское достоинство”, „Демократическая перестройка”).

Сегодня КСИ остается небольшим элитарным объединением, проводящим свои программы главным образом через персональное влияние своих членов как в „неформальном” движе-

нии, так и в официальных структурах. Надо сказать, что значительная часть успеха КСИ определяется тем, что его учредителем была Советская социологическая ассоциация (с мая 1987 г.), оказавшая ему немало услуг.

Другой клуб, чья эволюция очень показательна для развития движения „неформалов”, — московская „Перестройка”. Образованная весной 1987 г., когда новое общественное движение находилось еще в зачаточном периоде, она получила громкую рекламу, в том числе и по центральному телевидению, что облегчило создание аналогичных клубов во многих городах, в первую очередь — в Ленинграде. Простота, с которой прошло создание этого клуба, определялась не в малой степени тем, что его основателями были научные работники, в том числе с весьма высоким статусом. В большинстве это были сотрудники академических институтов, в одном из которых — Центральном экономико-математическом институте АН СССР — и проходили его заседания. Такой социальный состав, ясно артикулируемая ориентация на социализм и КПСС обещали респектабельность, чего трудно было ожидать от других клубов, сформировавшихся в основном из молодежи и людей, не занимающих высокого места в официальной иерархии.

Сразу надо отметить, что, в отличие от КСИ, клуб „Перестройка” с момента основания имел довольно определенно сформулированные интересы, и хотя его цели претерпели существенную эволюцию, с самого начала они были связаны с обсуждением экономических, социальных и политических проблем. Первоначально казалось, что дискуссии „Перестройки” будут лишь публичным продолжением академических споров. Однако легкость функционирования „Перестройки” и ее реклама послужили причиной бурного притока „неформалов”, в том числе членов КСИ, сыгравших весьма важную роль в развитии „Перестройки”. Летние каникулы 1987 г., когда „Перестройка” собиралась в узком составе, и участие „Перестройки” во встрече-диалоге, проведенной по инициативе КСИ в августе 1987 г., привели к тому, что клуб приобрел ярко выраженную политическую окраску. Осенние дискуссии в клубе сразу привели к затяжному и тяжелому кризису. Здесь мы сталкиваемся с главной особенностью движения периода 1987 — первой половины 1988 г. *Успешной оказы-*

вается деятельность в первую очередь тех клубов, которые сумели заручиться поддержкой той или иной вполне официальной организации и получили для своей работы легко доступное помещение. Поскольку таких клубов было немного и возможности публичных дискуссий были ограничены, они являлись центрами притяжения для совершенно различных категорий „неформалов”. К осени 1987 г. положение усугубилось тем, что летом, после проведенного КСИ расследования избития хиппи работниками МВД, этот клуб остался без помещения, поскольку учреждение, при котором первоначально был зарегистрирован КСИ, поспешило от него отказаться. Таким образом, осенью 1987 г. в клубе „Перестройка”, получившем к тому времени широкую известность, стала собираться самая разнообразная публика, включая весьма радикально настроенных участников семинара „Демократия и гуманизм”, сформировавшегося вокруг известной политзаключенной 80-х годов В. Новодворской. Несовместимость участников дискуссий проявилась мгновенно. Если весенние заседания были, в сущности, диалогом в достаточно однородной аудитории, то осенние — митинговой трибуной, где раздавались филиппики в адрес „бюрократии”, КГБ и „двуличных либералов” из руководства клуба и администрации ЦЭМИ, а также брань в адрес „экстремистов”.

Почти каждое заседание превращалось в острый конфликт, в рамках которого формировались радикальная и умеренная политические фракции. Администрация института при поддержке руководства „Перестройки” прибегла к жесткому ограничению доступа на заседания клуба. Раскол стал фактом в процессе выработки устава и окончательно оформился в январе 1988 г. разделением на два независимых клуба: „Демократическая перестройка” и „Перестройка-88”. При этом радикалам из „Перестройки-88” было отказано и в помещении, и в каком бы то ни было покровительстве. В первое время после оформления раскола на заседания „Демократической перестройки” доступ многим членам „Перестройки-88” был закрыт. Впоследствии ограничения становились все мягче, пока не исчезли вовсе к лету 1988 г., однако для радикалов к этому времени клуб потерял всякую притягательность.

Чтобы быть точным, скажу, что раскол на две „Перестрой-

ки” прошел не по одному критерию. Кроме радикализма, здесь играло существенную роль этическое начало. Именно это объединило в рамках „Перестройки-88” две различные политические группы, объединившиеся на время на почве неприятия авторитаризма и силовых методов разрешения споров. Впоследствии эта неоднородность „Перестройки-88” послужила причиной ее распада.

При расколе оказалось, что в радикальной „Перестройке-88” нет ни одного доктора и всего несколько кандидатов наук, только один коммунист, зато довольно много „людей без определенного места жительства” и без определенных занятий. Статус членов умеренной „Демократической перестройки” оказался заметно выше, хотя и не был так высок как статус участников весенних заседаний „Перестройки”. Элитарного дискуссионного клуба не получилось, и впоследствии место „Перестройки” заняла „Московская трибуна”, основателями которой стали такие известные ученые как А. Сахаров, Р. Сагдеев, Т. Заславская, Ю. Афанасьев и другие, и одной из главных целей которой декларировалось экспертное изучение социально-экономических и политических проблем. Примечательно, что и „Московской трибуне” с ее высоким статусом не удалось остаться в рамках декларации — она также превратилась в политическую трибуну.

После раскола судьба двух „Перестроек” была весьма различна. „Перестройка-88” выработала устав, превративший ее в плюралистический дискуссионный клуб, с полным отказом от руководящих органов. Поскольку это последнее обстоятельство мешало регистрации клуба (что было одним из основных резонов членов „Демократической перестройки”), „Перестройка-88” от регистрации отказалась. Поиски покровителя, продолжавшиеся около полугода, никакого результата не дали. Два месяца заседания клуба проходили в подвальном помещении, неофициально предоставляемом небольшим государственным учреждением. Однако после антисталинской демонстрации, проведенной 6 марта 1988 г. на Октябрьской площади по инициативе „Перестройки-88”, это помещение становится для клуба недоступным.

Поскольку в результате подготовки серии демонстраций

в клубе произошел раскол, отсутствие помещения стимулировало распад клуба, хотя еще в мае 1988 г. его члены считали себя единой организацией. Члены клуба, ориентированные на уличную борьбу, сближаются с участниками семинара „Демократия и гуманизм” и вместе с ними становятся в мае 1988 г. основателями партии „Демократический союз”. Они же становятся фактическими основателями межклубной организации Комитет социальной защиты. Члены „Перестройки-88”, ориентированные преимущественно на дискуссионные формы работы, постепенно рассеиваются по другим клубам и группам: „Мемориал”, „Социалистическая инициатива”, газета „Хронограф” и другие. Жизнь „Демократической перестройки” оказалась куда более долгой. В январе 1988 г. был принят устав, учитывающий все требования администрации ЦЭМИ и пожелания райкома КПСС. И хотя регистрация клуба все же затянулась на год, ему были обеспечены все необходимые условия для работы. Это позволяло лидерам клуба надеяться, что он сможет стать базой для формирования социал-демократической партии, что и было главной целью многих лидеров „ДП”, хотя эти намерения хранились в тайне от посторонних. После возникновения партии „Демократический союз” и бурных митингов лета 1988 г. „Демократическая перестройка” радикализируется и пытается возглавить объединительное движение. В первой половине июня „ДП” вместе с „Социалистической инициативой” и „Общиной” становится одним из главных инициаторов Московского народного фронта и остается в МНФ до конца августа 1988 г., т. е. значительно дольше чем „Мемориал”, КСИ, „Община” и „Гражданское достоинство”. Однако выход интеллигентов-теоретиков „ДП” из популистского МНФ был неизбежен, и с осени 1988 г. значение этого клуба в общественной жизни снижается, хотя его численность и растет. Общественное движение все больше выплескивается на улицу, достигая апогея во время выборов весной 1989 г. и Съезда народных депутатов. На улицах доминируют МНФ и „Мемориал”, а в помещениях конкурентом „ДП” становится „Московская трибуна”. Имея довольно сильную материальную базу и несколько лидеров-теоретиков, „ДП” весной 1989 г. подключается, наконец, открыто к процессу формирования социал-демократической партии, и после проведения пер-

вой социал-демократической школы в июне 1989 г. в Таллине становится лидером этого процесса. Теперь будущая судьба „ДП” видится ее лидерам в растворении в создаваемой социал-демократической партии.

Без описания эволюции еще одного клуба трудно нарисовать картину формирования общественного движения второй половины 1980-х годов — это Всесоюзный социал-политический клуб. Толчком к его возникновению послужило письмо А. Сухарева, очень молодого социалистически ориентированного ученого из маленького провинциального городка, в газету ЦК ВЛКСМ „Комсомольская правда”, где он изложил свой взгляд на перспективы развития советской экономики. Получив мешок писем в ответ, Сухарев раздает их друзьям, которые связываются с авторами этих писем. Возникает усиленная переписка о теоретических основах социализма, реальном состоянии общества и экономики в СССР, в результате которой решено было созвать теоретическую конференцию в Москве, прошедшую 1—3 мая 1987 г. Эта конференция завершилась провозглашением Заочного социально-политического клуба и произвела сильное впечатление на многих „неформалов”. Вероятно, именно она подтолкнула КСИ к проведению августовской конференции 1987 г. Здесь очень важную роль играло стремление захватить лидерство в нарождающемся движении: и ЗСПК, и КСИ воспринимали себя конкурентами на этом поприще. Оба клуба провели свои конференции в августе, не сумев договориться об объединении. Со второй своей конференции (23—26 августа) ЗСПК переименовывается во Всесоюзный социально-политический клуб.

Характерен состав участников этой конференции. В основном, это молодые технократы, студенты, школьники — в возрасте от 16 до 40, средний возраст 25—30 лет. Интересно, что возраст лидеров ВСПК — 20—25 лет, в то время как возраст лидеров КСИ, „Перестройки” и большинства других клубов этого времени 35—40 лет.

Вторая конференция ВСПК показала, что аморфность взглядов, которая имела место во время образования клуба, сменилась более определенным понятием концепции. Внутри клуба возникли две соперничающие фракции: социал-демократическая и марксистско-ленинская. Впрочем, социал-демократы

также ориентировались на „творческий” марксизм-ленинизм. Возникновение и утверждение практики фракций оказалось губительным для ВСПК (как, впрочем, и для КСИ, и для „Перестройки”, распавшихся вскоре после разделения на фракции). После второй конференции ВСПК в клуб вступает семинар „Демократия и гуманизм”, что почти немедленно встречает отпор со стороны „марксистов-ленинцев” в связи с тем, что „действия этой группы противоречат Конституции СССР (значит, и Уставу ВСПК), и уже поэтому она не может стать членом нашего клуба. Фактически их действия направлены против революционных изменений в нашей стране, против Октября, против коммунизма как высшей цели советского народа”. В ответ члены социал-демократической фракции заявили, что „если какая-либо группа или член ВСПК будут исключены из клуба лишь за критику Конституции СССР и тем самым понятие „дух клуба” станет включать в себя запрет критики Конституции СССР, то социал-демократы будут вынуждены покинуть ВСПК”. Как и положено в заочном клубе, полемика идет по переписке и тянется три месяца. В конце января 1988 г. в Москве проходит III Конференция ВСПК, созванная с целью утверждения марксизма-ленинизма и исключения из ВСПК либерально-демократической фракции, заявившей: „Мы видим наше будущее в парламентском, плюралистическом государстве, где все идеологии будут равны...”.

На это марксисты-ленинцы ответили: „...идея многопартийности в СССР является неправильной и вредной...”, и исключили-таки либералов из своих рядов. В ответ на это социал-демократы и внефракционный отец-основатель Сухарев вышли из клуба, образовав Всесоюзный социально-политический блок, который бесследно пропал в волне неформального движения.

Впрочем, социал-демократы в 1988 г. предприняли несколько попыток объединить демократически настроенных социалистов и создали основания для социал-демократической конфедерации (затем — ассоциации).

ВСПК, состоящий теперь сугубо из марксистов-ленинцев, тоже распался. Одна его часть активно участвовала в инициации народных фронтов и попытках их объединения, в то время как другая стала основой подпольного Объединения рабочих групп,

ставящего своей целью скорейшее утверждение в СССР диктатуры пролетариата.

Огромной сетью контактов ВСПК воспользовалась вышедшая из КСИ „Община” при формировании ФСОК, затем Союза независимых социалистов, затем Конфедерации анархо-синдикалистов.

Таким образом, практически одновременно распадаются три клуба, сыгравших наиболее существенную роль в формировании того общественного движения, которое само себя стало отождествлять с именем „неформалов”.

Важнейшей вехой нового этапа движения явилось создание оппозиционной партии „Демократический союз” (ДС), инициатором которой в феврале 1988 г. выступил либерально-западнический семинар „Демократия и гуманизм”. Включив в свою орбиту Юридическую комиссию „Перестройки-88”, семинар действовал энергично, и 7–9 мая был проведен учредительный съезд партии. Если в среде нового общественного движения семинар „Демократия и гуманизм” воспринимался скорее как курьез, то съезд, хотя и вызывал иронию, породил буквально взрыв общественного интереса, а со стороны властей против партии была разработана жесткая система репрессий.

Возникновение Демократического союза стимулировало создание других объединений. Идея Народного фронта, вошедшая в обиход благодаря выступлениям известного юриста Б. Курашвили, с начала 1988 г. становится почти всеобщей среди социалистических групп Москвы и Ленинграда, а после возникновения НФ Эстонии и Демократического союза превращается почти в манию. Боязнь уступить улицу и народ „буржуазному” Демократическому союзу вызывает лихорадочную организационную деятельность. Повод к созданию народного фронта вскоре представился. Комиссия ССА по изучению общественных движений поддержала инициативу КСИ о проведении конференций „неформалов”, аналогичной августовской конференции 1987 г., и, заручившись поддержкой ЦК КПСС, предоставила оргкомитету помещение во Дворце молодежи.

Проведение конференции было сопряжено с целым рядом условий. Во-первых, „неформалы” должны были ограничиться обсуждением тезисов к партийной конференции и не должны

были делать заявления по каким-либо другим вопросам. Во-вторых, состав конференции должен был быть исключительно социалистическим. Это второе условие с восторгом было принято большинством клубов, которые готовы были для охраны помещения от „неформалов” иного толка и диссидентов создать дружины рабочих. Наиболее отчетливо эта тенденция проявилась у „Общины”, ВСПК, „Социалистической инициативы”. Впрочем, лидером здесь выступил М. Малютин, представлявший „Демократическую перестройку”.

КСИ, переставшему быть к этому времени тем социалистическим клубом, каким он был год назад, и „Перестройке-88” удалось добиться только того, что к участию в конференции допускались клубы, не провозглашавшие антисоциалистической ориентации, а остальные допускались лишь в качестве гостей. Присутствовало обычно более 500 человек.

Первое же ограничение было отвергнуто социалистами. Уже в ходе подготовки конференции они решили создать народный фронт, воспринимаемый как объединение всех социалистических групп страны под руководством московских лидеров.

В итоге главным событием конференции стало провозглашение оргкомитета Народного фронта, в который нехотя вступили КСИ и политсеминар „Перестройки-88”. Этому предшествовала упорная борьба, в результате которой этим двум клубам удалось склонить на свою сторону группу „Гражданское достоинство”, оторвав ее от блока с „Общиной”, сформировавшегося на базе уличных демонстраций, и предотвратить злоупотребление социалистической фразеологией, откровенно социалистическую демагогию популистских клубов. „Мемориал” воздержался от принятия какого-либо решения. Впоследствии благодаря отсутствию четкой процедуры „Социалистической инициативы” удалось использовать голоса многочисленных мелких социалистических групп для формирования авторитарной структуры, что привело к выходу из Оргкомитета всех крупных организаций, включая „Общину”, которая вступила в жестокую конкурентную борьбу за потенциальных членов с быстро усиливающейся „Социалистической инициативой”. Этот шаг повел „Общину” к довольно быстрому отказу от идеологической мимикрии и открытому провозглашению анархистских идеалов,

что, наконец, позволило устойчиво разграничить сферы влияния этих двух клубов. И если „Социалистическая инициатива” стала реальным центром формирования Московского Народного фронта, то „Община”, образовав сначала Союз независимых социалистов, стала впоследствии инициатором Всесоюзной конференции анархо-синдикалистов.

В конце августа 1989 г. Оргкомитет МНФ совместно с Оргкомитетом Ленинградского Народного фронта провели съезд народных фронтов и других демократических движений в Ленинграде. На этом съезде не удалось сформировать единую структуру, хотя представители около 30 групп (составлявших менее половины участников) договорились о создании единой организации. Это решение осталось на бумаге. Съезд в Ленинграде надолго дискредитировал идею всеобщего объединения и создал дурную репутацию „московским политикам”. Около года спустя МНФ повторил попытку объединения, планировавшегося уже на федеративной основе, но опять неудачно. По инициативе Московского общественного бюро информационного обмена (М-БИО) на съезде было принято решение о создании информационной сети общественного движения, состоящей из независимых информационных центров, обменивающихся информацией. Эта идея также не смогла реализоваться достаточно хорошо. Устойчиво функционировали информцентры в Рязани и Южно-Сахалинске. Некоторое время функционировало сразу два информцентра МНФ. Но серьезных успехов достиг только М-БИО, на основании работы которого отчасти формировалась периферийная структура „Мемориала”, а также был создан информационно-исследовательский центр кооператива „Перспектива”.

Гораздо более серьезную информационную сеть создали наследники правозащитного движения, создав „Гласность” и „Экспресс-хронику” в Москве и Сибирское информационное агентство в Новосибирске и Иркутске.

Развитие крупных объединений оказалось достаточно драматичным. Демократический союз и МНФ оказались неустойчивы. После исключения ряда членов из ДС возникли две Демократические партии и одна Радикальная. Ряд участников МНФ стал учредителем Российского народного фронта. После обвине-

нений лидера РНФ В. Скурлатова в антисемитизме произошел раскол и МНФ и РНФ стали соперничающими группировками. Затем РНФ вновь раскололся на две части, а в МНФ выделилась Демократическая фракция. Однако мелкие группы постепенно растворялись в МНФ и РНФ, создавая более или менее мелкие однородные структуры.

1986—1988 гг. ИТОГИ

Таким образом, к началу избирательной кампании (декабрь 1988 г. — март 1989 г.) в Москве насчитывалось около 200 политических клубов, численностью от 3—5 человек до более чем 100 в „Московской трибуне”. Большая часть из них входила в народные фронты, хотя к этому времени они еще и не потеряли своей автономности. Самостоятельно существовало несколько крупных групп, насчитывающих от 30 до 60 членов.

Самым крупным образованием оказался „Мемориал”. На учредительную конференцию Московского отделения было приглашено около 500 человек; активистов же насчитывалось более 1000 человек. МНФ насчитывал в это время приблизительно 500—600 человек, а ДС около 200 человек. Общая численность политизированных групп в Москве может быть оценена, конечно, совершенно приблизительно, в 3,5—4 тыс. человек, не считая патриотических объединений, принимающих имя „Память”. Надежная методика подсчета пока отсутствует, а сам подсчет затруднен в связи с перекрестным участием неформалов в разных группах.

Следует немного подробнее остановиться на характеристике групп. Немногие из них были ориентированы на интеллектуальную деятельность, ставящую целью анализ ситуации, разработку проектов документов и законов, разработку конкретных механизмов разрешения социальных или политических проблем. Наиболее известными из них являются КСИ, „Демократическая перестройка” и „Московская трибуна”. Эти клубы в большей или меньшей степени принимают участие и в массовых мероприятиях. КСИ воздерживается от участия в митингах (за исключением митинга 21 мая 1989 г. в Лужниках) и демонстрациях, но, с другой стороны, проявил себя созданием двух коопе-

ративов, научных и просветительских организаций, интегрировавшихся в официальную структуру. Все эти три клуба придерживаются либеральной ориентации с умеренными требованиями и относительно слабо идеологизированы.

Почти столь же небольшое число клубов занято просветительской деятельностью. Здесь идеологический спектр шире — от либерального семинара „Демократия и гуманизм” до леворадикального семинара „Социалистическая инициатива”. Большинство из них ориентировано на подготовку кадров для своих политических партий.

„Мемориал” занят в основном исследовательской и просветительской деятельностью и не имеет идеологических предпочтений. Однако он ориентирован также на агитационную работу на улице, участвовал во многих митингах и был организатором некоторых самых крупных. Хотя „Мемориал” часто декларирует свой неполитический характер, даже в Москве это далеко не всегда соответствует действительности. В провинции политический характер этого движения очевиден.

Основная масса клубов ориентирована на политическую борьбу, главным образом — уличную. Это относится и к ДС, и к МНФ.

Некоторое число групп ориентировано на борьбу за социальные права граждан. Это в первую очередь два Комитета социальной защиты, а также начавший формироваться в это время Соцпроф (Объединение социалистических профсоюзов). Существуют специализированные группы в больших организациях, ориентированные на правовую или материальную помощь, а также моральную поддержку депривированной части населения. Юридическая группа „Мемориала”, в частности, занята помощью бывшим политзаключенным и их родственникам.

„Тюрьма и воля” обеспокоена положением заключенных, в особенности малолеток. Самодеятельное объединение „Милосердие” получило довольно серьезную поддержку общественности и очень рано попало под контроль государства. Предпринималось несколько попыток создать организации, занятые борьбой за права детей. Феминистское движение просматривается в заявлениях отдельных участниц общественного движения. В Москву поступает несколько номеров журнала „Женское чтение”.

Существует несколько групп (правда, в основном, плохо функционирующих), занимающихся проблемами производственного самоуправления. С ними контактируют подпольные группы, стремящиеся к установлению диктатуры пролетариата.

Общественно-политическое движение окружено целой сетью групп, решающих политические или социальные проблемы через литературу, музыку, театр и т. д. или объединяющих творческих людей, ставящих наряду со специальными целями также и социально-политические. Здесь степень политизированности или вовлеченности в общественную жизнь очень различна, от очень ангажированных Театра авторской песни и Театра на досках до относительно самососредоточенных Клуба самодеятельной песни и Ассоциации художников „Битца”. Различна также и степень ангажированности религиозно-философских групп. Наиболее известная из них — „Церковь и перестройка”.

Политизированные группы очень различаются по идеологическим платформам. Невелик процент групп, открыто провозглашающих ориентацию на западный либерализм. Это часто осколки правозащитного движения, например, пресс-клуб „Гласность”. Наиболее известны либерально-демократическая фракция ДС, „Гражданское достоинство”, „Дружба и диалог”, „Доверие”. Такие группы, по-видимому, составляют 8–10% численности „неформалов”. Некоторый процент либерально-демократически настроенных „неформалов” есть в плюралистических группах, не контролируемых жестко свою идеологическую направленность.

Умеренно-социалистических ориентаций придерживаются „Демократическая перестройка”, социал-демократическая фракция ДС, Соцпроф и другие. Их доля в численности общественных групп к началу 1989 г. составляла также 8–10%. В сущности, большинство участников общественного движения, никак не заявлявших о своей ориентации, может быть отнесено именно к этой категории. Учитывая эту скрытую численность, можно предположить, что, может быть, умеренным социалистом можно считать каждого четвертого „неформала”.

Около половины участников движения, несомненно, ярко выраженные социалисты или приверженцы официальной идеологии. Здесь спектр весьма широк — от троцкизма до

сторонников умеренных реформ Горбачева. Кроме отмечавшихся в тексте групп, назову интербригады имени Че Гевары и имени Фарабундо Марти, городской партклуб и небольшие группы поддержки Ельцина.

Подпольные радикалы социалистического толка составят вряд ли больше 1–2% участников общественного движения. Независимо от ориентации — социалистической, как у Федерации социального объединения, или христианско-демократической, часть участников движения тяготеет к национально-патриотическим ценностям. Их доля, возможно, колеблется в пределах 5–10% от общей численности „неформалов”.

Очень заметны в структуре движения экологи. Самыми влиятельными являются СЭС и „Экология, XXI век”. Численность групп экологов — менее 1000 человек, но людей, озабоченных экологическими проблемами, пожалуй, не менее четверти среди активистов движения.

Отдельно надо отметить группы местного самоуправления. Однако в 1988 г. реально заявила о себе только одна влиятельная группа — в микрорайоне Братеево.

На рубеже 1985–1986 гг. инициаторами создания или активизации досуговых, семейно-педагогических, физкультурно-медицинских и других клубов явились разные структуры министерства культуры РСФСР, рассчитывавшего, вероятно, новым курсом в клубной деятельности сдержать рост преступности, повлиять на подростков с отклоняющимся поведением. Когда на волне этой активности возникли действительно самодеятельные клубы, которые немедленно стали вторгаться в социально-политическую сферу, они были предоставлены сами себе. Поддержка, предоставляемая этим клубам, была частной инициативой руководителей отдельных учреждений, проявлявших осторожность и не всегда готовых идти на риск в сфере с достаточно зыбкими границами дозволенного.

На протяжении всего 1986-го и первой половины 1987 г. власти и официальные организации обращали мало внимания на „неформалов”, однако появление ВСПК очень озаботило комсомол (организацию, не имеющую властных функций, но реализующую политику КПСС в молодежной среде). С этого времени комсомол начал вести все усиливающуюся кампанию в печати

против „неформалов”. Однако „неформалы” в это время предпочитали обращаться за поддержкой в КПСС, и, хотя политика партаппарата была противоречивой, непостоянной и неединообразной, помощь МКГ КПСС позволила КСИ организовать встречу-диалог в августе 1987 г.

Это событие является вехой не только в самоорганизации „неформалов”, но и в отношении к ним властей. Хотя КСИ и был подвергнут гонениям еще до встречи-диалога из-за расследования избития хиппи милицией, но это, вероятно, был специфический случай, где милиция действовала еще стереотипно и самостоятельно, а руководители организации-учредителя поспешили избавиться от лишних хлопот. После встречи-диалога комсомол первым осознал опасность радикализации „неформалов” и их привлекательность для молодежи. Однако безуспешная борьба с „неформалами” вынудила ЦК комсомола постепенно менять позицию, сформулировав сначала концепцию разделения „неформалов” на „плохих” и „хороших” (т. е. поддерживающих идеи социализма, „работающих” и „болтающих”), а затем, к концу 1988 г., снизив свою активность в идеологической сфере.

Два события в жизни „неформалов” вызвали резкую реакцию МВД и партийных органов. Это выход на улицу „Мемориала” для сбора подписей под призывом создать мемориальный комплекс жертвам сталинизма и выступления в поддержку Ельцина, организованные КСИ. Мемориальцев задерживали на улицах и доставляли в милицию почти сразу же после появления на улице с подписными листами, часто грубо. После первого выхода шестеро из них судом были приговорены к штрафам, однако общественное мнение уже оказалось в состоянии предотвратить их взыскание.

Митинг в поддержку Ельцина был запрещен, а собрания в помещениях разгонялись. За инициаторами кампании была установлена плотная слежка, продолжавшаяся 10 дней. После этого начались внесудебные преследования.

На службу к некоторым мемориальцам являлись работники прокуратуры, в других случаях ограничивались звонками. Были случаи анонимных звонков с клеветнической информацией. Возможно, в некоторых случаях администрация учреждений

действовала по собственной инициативе. В начале 1988 г. по поводу Г. Пельмана, одного из лидеров КСИ, в АН СССР поступил запрос из МКГ КПСС, а руководство Советской социологической ассоциации не нашло в себе достаточно мужества, чтобы защитить своего члена. Так или иначе, не менее шести человек за короткий срок лишились работы, а многие были подвергнуты критике в печати. Правда, Б. Кагарлицкий сумел выиграть процесс, начатый им против „Комсомольской правды” (официальной газеты). Впрочем, это случилось уже много месяцев спустя.

В конце 1987 г. начинаются трения между „неформалами” и администрацией учреждений, предоставлявших им помещения. Ограничения и запреты усиливались. В ряде случаев есть сведения, что они инспирировались райкомами партии. Это привело к ускоренной дивергенции крыльев движения, выделению радикальных клубов и переносу активности на улицу. Хотя „Мемориал”, избегая раскола, напротив, стал собирать подписи в театрах, учреждениях и на разрешенных собраниях, другие — „Демократия и гуманизм”, „Перестройка-88” и „Гражданское достоинство” — стали активными участниками демонстраций. Сильное стремление соединить усилия разрушалось различной степенью радикализма. „Гражданскому достоинству” удалось провести 7 марта 1988 г. антисталинскую демонстрацию, объединившую „неформалов” разных групп и некоторых диссидентов. В ней участвовало около 100 человек. Демонстрация была свернута по требованию властей, а митинг не состоялся, но по сравнению с жестоко разогнанной 6 марта демонстрацией „Перестройки-88” это расценивалось „неформалами” как большой успех.

Постоянство, с которым разгонялись демонстрации „Демократии и гуманизма”, „Доверия” и „Свободы эмиграции для всех”, привело к формированию среды, в которой зародился ДС. В течение года все демонстрации этой партии разгонялись с откровенной беспощадностью. Исключение составляют митинг и демонстрация 1 июня 1988 г., посвященные расстрелу 1962 г. в Новочеркасске, которые проходили во время пребывания Р. Рейгана в Москве.

Визит Р. Рейгана положил начало массовым уличным выступлениям в столице. 18 мая „Община” и „Гражданское

достоинство" под черным и красным флагами пошли по улицам Москвы и на Пушкинской площади состоялся импровизированный митинг. С этого времени в еженедельных митингах на Пушкинской площади принимают участие различные социалистические клубы. Там же параллельно митингует ДС. Пока Рейган находился в Москве, милиция препятствовала свободному проведению митингов, однако старалась не применять насилие. После того как Рейган отправился в США, сила репрессий стала возрастать: участников задерживали и отводили в отделения милиции, осуждали на короткие сроки заключения (до 15 суток), а в некоторых случаях — избивали.

Здесь заметна дифференциация. Послушных народофронтовцев старались увещевать, на что они реагировали с пониманием. Однако все же некоторых из них задерживали и даже подвергали штрафу или заключению. Со сторонниками ДС обращались грубо, их митинги разгоняли силой, а активисты проводили в заключении один срок за другим. Не подвергались преследованиям активисты „Мемориала”, собиравшие подписи, равно как и ораторы „Памяти”. Жестокость органов правопорядка вынудила расколовшийся к тому времени Оргкомитет Народного фронта отказаться от практики митингов, а ДС замер для подготовки мощной манифестации 21 августа 1988 г.

21 августа впервые в Москве для разгона демонстрации были использованы войска специального назначения. В оцепленную толпу внезапно сомкнутым клином врезались, сбивая с ног, люди в бронежилетах. Демонстрантов били и, заламывая им руки, уводили или уносили к автобусам, куда иногда забрасывали с размаху. Около полуторасот задержанных судили и многие из них были приговорены к штрафам, иногда очень крупным. Несколько десятков человек были осуждены на разные сроки заключения.

Беспрецедентная для эпохи перестройки жестокость в столице, где все происходит перед глазами прессы и благополучной интеллигенции, вызвала всплеск общественного недовольства. О разгоне демонстрации заговорила печать. На многих собраниях с протестом выступали писатели и ученые, имеющие чрезвычайно высокий авторитет.

Сразу же после 21 августа выяснилось, что Верховный

Совет СССР принял два Указа — о порядке проведения демонстраций и о внутренних войсках, которые были расценены интеллигенцией и „неформалами” как сигнал к насилию. Обсуждение этих Указов впервые размыло в более или менее широких масштабах границу между „неформалами” и либеральной частью интеллигенции. С этого момента тенденция к сближению становится одной из самых характерных черт движения. Такого не наблюдалось при протестах „неформалов” против принятых ранее временных правил о проведении демонстраций, которые стали практиковаться не только в Москве и Ленинграде, но и в других городах после беспорядков, связанных с отставкой Б. Ельцина.

Демонстрация ДС 5 сентября, посвященная 70-летию красного террора, была также рассеяна, но жестокость была не столь очевидной и не столь массовой. Внутрь оцепления удавалось пройти журналистам (на этот счет существовало распоряжение, которое было известно только высшим чинам в оцеплении), но их иногда били и даже был задержан корреспондент „Московских новостей” (официальной газеты).

Как 21 августа, так и 5 сентября, задержанным предъявлялись ложные обвинения и приговоры были суровыми. Все это только усилило недовольство, и хотя применение войск спецназначения стало обыденным, их методы стали мягче. Но и „неформалы” стали остерегаться выходить на несанкционированные демонстрации. Таким образом, до избирательной кампании только радикалы из ДС и „Свободы эмиграции” осмеливались бросать вызов органам правопорядка.

Конечно, в Москве не травил людей собаками, как об этом рассказывают „неформалы” Львова, здесь не применялись слезоточивые газы, как в Минске или Вильнюсе, здесь не было танков, как в Баку, не погибали люди, как в аэропорту Звартноц в Армении. Но здесь не было и той свободы, которую почувствовали к концу года литовцы и эстонцы. Москва как бы демонстрировала средний уровень продвижения к демократии. Здесь „неформалы” имели возможность проводить собрания и издавать неподцензурные газеты (хотя тираж их редко превышал 100 экземпляров; свыше 100 названий к концу года), но они практически не получали разрешений на митинги и демонстрации. Даже „Мемориал” перестал выходить со своими пикетами.

Только „Память” (русское националистическое движение) не испытывала неудобств и даже призывала КГБ навести порядок.

К концу года только немногие лояльные организации были зарегистрированы. „Мемориал” не смог провести свою учредительную конференцию и к осени доброжелательность властей сменилась жестким давлением. Однако „Мемориал”, включив в свой состав много заметных людей, выстоял. В январе 1989 г. ему удалось официально выпустить первый номер своего бюллетеня и провести учредительные конференции Московского и Всесоюзного обществ. Однако власти отказались регистрировать это Общество и предоставить ему помещение, но пользование банковским счетом было разрешено. „Мемориал” оказался самым большим успехом общественного движения накануне нового этапа, начавшегося вместе с избирательной кампанией начала 1989 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- КСИ — Клуб социальных инициатив
- М-БИО — Московское общественное бюро информационного обмена
- ССА — Советская социологическая ассоциация
- МНФ — Московский народный фронт
- ЦЭМИ — Центральный экономико-математический институт
- ДП — Демократическая перестройка
- ВСПК — Всесоюзный социально-политический клуб
- ЗСПК — Заочный социально-политический клуб
- ФСОК — Федерация социалистических общественных клубов
- РНФ — Российский народный фронт
- ДС — Демократический союз